

Иной раз думаешь: а не превыше ли наших дистиллированных, безукоризненно выверенных слов, составленных в геометрически правильной последовательности, закупоренных в стерильных ёмкостях, называемых нами «текстами», – вот эта живая природная сила воздействия, какой с лихвой наделяет Господь иные светлые дарования, ревниво и несправедливо смещаемые нами в самые низы казённых таблицей о рангах? А если да, то не есть ли наше просвещённое искусство не что другое, как дьявольский искус, лукавство наедине с самим собой, поганство перед совестью и Богом?..

Такие – или примерно такие – мысли бурятся в голове, когда память выкликает имя новгородского поэта Евдокима Русакова. И ко всему прочему разъедает душу стыд. Оттого, что мастаки-рифмоделы, дудевшие в «дудочку» с неравной степенью старания – смотря по тому, «какое тысячелетье на дворе», какова конъюнктура рынка, – до сих пор на слуху, главным образом усилиями масс-медиа. А он, Евдоким Русаков, сам бывший этой «дудочкой», поэзией во плоти, забыт однажды и, боюсь, навсегда. Притом что от многих, прославивших ещё при жизни свыше всякой меры, давно разит разве что сероводородом и железом, как из ржавой водопроводной трубы. В то же время стихи Русакова – их отборная, сокровеннейшая, нерукотворнейшая часть – всегда прозрачны и целебны. Ибо и рождены-то, кажется, не столько приложением личных сил автора, сколько естественным точением из самой земли, как испокон веку сотворялась русская поэзия.

Этот небольшой очерк – не полноценная литературоведческая статья, какую бы надо предварить публикацию Евдокима Русакова, его, по сути, возвращение из небытия и нежити, но краткий пересказ судьбы поэта, основанный на свидетельствах современников и тех немногих сведениях, что удалось обнаружить. Остальное, как говорил другой поэт, вычитывайте в стихах – они скажут лучше и больше, чем кто бы то ни было.

* * *

Русский самобытный поэт Евдоким Евдокимович Русаков родился 26 июля 1924(по другим данным – 1926-го) года в окрестностях деревни Сопки Новгородской области. «В поле под сулоном», – уточнял впоследствии. Девяти лет от роду стал пастушить, приняв под свой надзор

многочисленное колхозное стадо. «С горем пополам» (по собственным словам) закончил четыре класса, а в начале войны был направлен на строительство оборонительных рубежей Волховского фронта. Но провоевал без году неделю – тяжело контузило во время налёта фашистской авиации. Потом был госпиталь, долгая отлётка на больничной койке. Домой прикандыбал в 1943-м – на костылях. Старший Русаков был на фронте, кому-то надо было браться за гуж на правах главы семейства, тем более что оно было по-крестьянски большим, не один рот, – и хромый Евдоким, не умея по состоянию здоровья справлять иную работу, стал сапожничать. Мало-мало поправившись, снова подался в пастухи, а вообще довелось потрудиться и шофёром, и механизатором, и сторожем. В те-то насадные годы и возникла, по-видимому, непреодолимая тяга к русскому Слову, в разное время увлекавшая в ряды стихотворцев таких прирождённых людей земли, как Алексей Кольцов, Иван Никитин, Николай Клюев, Сергей Есенин...

Не стал исключением и Евдоким Русаков, мало что отделяли его от именитых предшественников десятилетия, иные из которых – особенно недавние – до безобразия изнахратили уклад русской жизни, а само крестьянство свели на нет, обратив бывших землепашцев и сеятелей в обезличенное понятие «колхозник».

– Со мной всегда были карандаш и бумага, и записывал я свои стихи и сказочки, частушки – не для печати, для души, – делился Русаков.

Наставником способного самоучки стал местный учитель и поэт Юрий Шишелов, а впервые стихи Русакова земляки узрели на страницах районной газеты «Мошенской колхозник» в 1953 году.

Некоторое время спустя Русаков – уже семейный, детный – скочевал в деревню Коровкино Боровичского района. Однажды летом на дальних выгонах всю семью Русаковых заразил энцефалитный клещ. Придя в себя через несколько недель в больнице, Евдоким Евдокимович узнал, что жена скончалась и похоронена, старший сын – инвалид, а младших ищи-свищи по интернатам...

Не сразу, со временем удалось Русакову восстановить семью. Этому предшествовало событие, во многом утолившее печали рано овдовевшего поэта, – Господь послал ему хорошую работающую женщину, в одиночестве мыкавшую свою девью долю. «Брели, брели два горемыки, вот и сбросились!» Она-то, добрая душа, и поставила первоочередное условие: «Давай собирать детей!» – и стала для осиротевших ребятишек матерью, а для их отца – надёжной спутницей и помощницей.

В 1958 году Евдоким Русаков с тетрадкой под мышкой объявился на заседании литературного объединения при боровичской районной газете «Красная искра». Руководитель ЛИТО Л.Р. Фрумкин признавался: «Стихи удивляли обилием поэтических находок...» Нужна была серьёзная школа. Но как об этом помышлять, если ты – обычный пастух (в деревне зубоскалят: «Коровий полковник! Первый зам младшего конюха...»), да ещё и кормилец немаленькой семьи, стеснённой железным обручем бесконечных проблем? Старшего сына лечили от последствий энцефалита пять лет. Новая супружница – имя её, к сожалению, нигде не упоминается – зарабатывала копейки, сам Евдоким Евдокимович тоже не мог похвалиться длинным рублём за пазухой...

Тем не менее сочинительства своего – столь, казалось бы, лишнего в его жизни – поэт не оставил. Наоборот, поступил в вечернюю школу, читал классиков и современников, вникая в тайны ремесла, посещал литературное объединение. И судьба, не благосклонная поначалу, в итоге наградила за терпение и настойчивость. В 1961 году подборка стихов Русакова коллективно с сочинениями других новгородцев увидела свет в сборнике «У Ильмень-озера». А дальше словно выбило затычину – и публикации пошли гуртом и чередой. Литературно-художественные журналы и альманахи, газета «Литературная Россия», популярная «Сельская молодёжь», знаменитая «Звезда».

В 1973 году в Ленинградском издательстве «Детская литература» издана первая книга поэта – «Мельница-метелица», проиллюстрированная молодой художницей из почтенной династии живописцев Васнецовых. Для оформителя это был первый опыт такого рода, о чём Елизавета Юрьевна вспоминала уже в наши дни: «Книжной графикой я начала заниматься не сразу после окончания института. Только в 1972 году я решила, наконец, попробовать работать над книгой, и мне повезло. В Ленинграде в «Детгизе» мне предложили проиллюстрировать интересные самобытные стихи о природе, о людях новгородского поэта-пастуха Евдокима Русакова. Эта тема мне так близка, я так люблю именно нашу северную природу – поэтическую, скромную, немного грустную, но всегда живописную...»

В известной мере благодаря незаурядному художественному вкусу оформителя «Мельница-метелица» удалась на славу, как вообще всё в этой книге чудесно сошлось: и живые, безыскусные стихи, и вдохновенное прочтение их в краске. Да и тираж у книги был по нынешним временам заоблачный – 150 тысяч экземпляров. Красиво и богато устроенная, «Мельница-метелица» выдержала переиздание.

Но это случилось потом, в начале восьмидесятых.

А чуть ранее, в 1979-ом, «Лениздат» выпустил вторую книгу Русакова – «Живу я в маленькой деревне». На закате брежневской эпохи, позже огульно поименованной «застоем», деревенский сочинитель с некорыстной грамотёшкой вступил в Союз писателей РСФСР – общество по тем временам насколько почётное для его членов, профессиональных литераторов, настолько и неприступное для прочих, если иметь в виду строгость утверждённых правил вступления и взыскательность приёмной комиссии.

Пожалуй, никогда ещё в истории отечественной словесности столь широко не отворялись двери для простолюдина.

Не менее удивительным остаётся и тот факт, что Русакова не проспали. Такое родное, сразу западающее в душу имя то и дело мелькало в центральной прессе, на стихи поэта сочиняли музыку, исполняли песни. В деревню Коровкино шли и шли письма неравнодушных читателей – они, читатели, ещё читали, ещё обсуждали, ещё делились с авторами своими впечатлениями, ещё не молчали, набравши воды в рот. За сравнительно невеликий срок Евдоким Русаков сделался поистине народным поэтом – и народность его была подлинного, ныне утраченного свойства, обусловленная как природой самого Слова, так и мерой

его звучания. А поэтическое слово Русакова звучало по телевидению и радио на всю огромную страну, известность поэта крепла. Не прошло и двух лет со дня выхода первой книги, как о талантливом новгородце – колхозном пастухе союзного масштаба – сняли документальный фильм, десятилетие спустя – второй.

«Слава застигла его, как июльский дождь посреди спелого хлебного поля», – справедливо отмечали современники. Достославные, сказочные времена!

Несомненный успех не вскружил голову, Евдоким Русаков и не думал полезать на печку. С годами нашли своего читателя ещё три книги: «Заозерье» (1982 г.), «Солнце взошло» (1985 г.) и «Июль – мой пра-родитель» (1987 г.). Суммарный тираж книг Русакова перевалил за несколько сотен тысяч экземпляров. Все они разошлись по Советскому Союзу – и не насытили, стали библиографической редкостью, так что не на всякой букинистической барахолке сыщешь теперь эти изрядно потрёпанные раритеты.

Но не только любовь и признание почитателей русской поэзии – Евдоким Евдокимович снискал себе уважение и в профессиональной среде. Михаил Дудин – поэт, сродник по духу – в предисловии к «Мельнице-метелице» кровно прочувствовал младшего собрата: *«...он поэт по самой сути склада своего характера, и его стихи естественны, как лёгкий шелест ветра по истомлённому июньским зноем ольшанику. В них есть запах земляники и болиголова, хруст снега и песня жаворонка, умеющего держать на тоненькой ниточке песни большую планету Земля. Он знает, что жизнь нелегка, что труд, делающий человека Человеком, прекрасен, что в труде и есть радость человеческая. Об этом он и поёт бесхитростно и сердечно».*

...Увы и ах, пройдёт совсем немного времени – и петь «бесхитростно и сердечно» станет занятием не только бескормным, но и бессмысленным, а часто и унижительным. Наступит перестроечное лихо, когда «самой читающей» стране уже не до литературы, как бы вовсе не сгинуть.

Но Евдоким Евдокимович продолжит писать – или, говоря по-крестьянски, «работать». Ночью, едва жизнь в деревне замирала, посевший поэт всё так же, как и в молодые годы, уединялся в закутке за печкой и, надев очки, доверял своё наболевшее неизменной ученической тетрадке, а после перепечатывал на пишущей машинке, правил, складывал в заветную папку. Как любой поэт, Русаков надеялся, что народ рано или поздно образумится, и стихи вновь зазвучат во всех городах и весях...

Однако сам ход жизни не способствовал этому, а вдобавок приносил новые горести.

В конце 1990-х, потрясённый убийством дочери, рядовой почтальонки с нищенской зарплатой, Евдоким Евдокимович – изнемогший, постаревший, потраченный годами, болезнями, страшной разрухой в стране, но, похоже, так и не разочаровавшийся в своей прекрасной, хотя и неблагодарной, поэтической стезе, не отвратившийся от своего чёрного, но трудового хлеба, – слёг и больше не поднялся.

В 2001 году поэта не стало.

Земляки как один вспоминали, что похороны пришлось на жаркий летний день: «Ветер гнал по небу стада белых облаков, приносил с лугов запах цветущих трав. От дома до околицы гроб несли на руках. Когда отворили ворота сельского погоста, по кладбищенской листве, точно оплакивая последнего крестьянского поэта России, скорбно зашелестел нежданно павший с неба слепой дождь...»

Минуло двадцать лет после ухода Евдокима Русакова.

Время, о котором он мечтал, ради которого корпел по ночам за печкой, как неутомимый деревенский сверчок, – время стихов, время любви и сердечной жалости ко всему живому, – так и не наступило. Россия, которой посвящал чистые строки, ушла в омут с головой, а вынырнула иной – той самой, в какой всякий национальный русский поэт, по слову Есенина, «словно иностранец». И стихи здесь «больше не нужны», и сам поэт «ни капельки не нужен».

Имя Евдокима Русакова, как имена не менее одарённых сынов России из самых её родниковых глубин, стёрлось из народной памяти, на поверку оказавшейся ничуть не длиннее девичьего волоса. Сегодня редкий знаток русской поэзии шегольнёт в разговоре названием некогда прозвевшей русаковской книги «Мельница-метелица». Забвение – а это оно мельница-метелица нашего беспамяත්ства – по-прежнему мелет исправно.

Отрадно, что на малой родине помнят и чтят своего поэта.

В Доме культуры деревни Перёдки, что близ Коровкино, создан музей Евдокима Евдокимовича. Напротив – сквер его имени, на самом здании – мемориальная доска. Изданы поздние стихи Русакова, воспоминания о нём. С 2009 года проводятся Русаковские чтения. Учреждена медаль «Поэт Евдоким Русаков» – её присуждают «за пропаганду творчества» поэта, а также «литературные достижения, благотворительную деятельность». Несколько лет назад в сквере рядом с Домом культуры открыли памятник: в неизменной кепке, сдвинутой на затылок, за гриву золотых волос, волной зачёсанных назад, чуть скосив глаза к переносью, с усталой грустной улыбкой на грубом крестьянском лице, изрезанном вдоль и поперёк морщинами, никогда прежде не виденный, но до боли знакомый человек по-шукшински смотрит мимо тебя, в какую-то свою, ещё неведомую нам даль. И летят сверху, на отвесной каменной стене, два журавля – он и она – золотые, и колосится снизу назревшая, истомлённо поникшая пшеница – золотая, и проглядывают приветливые солнышки ромашек – золотых...

Но, конечно, главным, по-настоящему достойным почитания, остаются стихи. Без них выросло вот уже не одно поколение русских людей – и это тот самый динамит, один из связки, заложенной безвременьем, который когда-нибудь обязательно рванёт.

«Кто я? Быть может, колокольчик в негромкой музыке земли...» – просто, как выдохнул или вдохнул, много лет назад написал о себе поэт.

Давайте остановимся на мгновение, вслушаемся в эту негромкую музыку. И кто знает, может быть, колокольчик Евдокима Русакова, «дар Валдая», снова зазвучит на отеческой земле.

Андрей Александрович Антипин
Иркутская область